Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-271-280

КИРСАНОВА Евгения Валерьевна,
кандидат юридических наук, медиатор,
e-mail: evgeniakirsanova@yandex.ru

СДЕЛКОСПОСОБНОСТЬ И ПОРОК ВОЛИ ПРИ НОТАРИАЛЬНО УДОСТОВЕРЕННОЙ СДЕЛКЕ: НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ДЕЛУ № А40-304649/18

Аннотация. *В статье анализируется проблема соотношения гражданской дееспособности, сделкоспособности и порока воли при оспаривании нотариально удостоверенной сделки по пункту 1 статьи 177 Гражданского кодекса Российской Федерации. Материалом исследования выступает постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 октября 2019 г. по делу № А40-304649/18, а также последующая правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации по тому же делу. Обосновывается, что нотариальная проверка дееспособности не может подменять судебное установление фактической способности лица понимать значение своих действий и руководить ими в момент совершения сделки. Предлагается различать формальную гражданскую дееспособность, сделкоспособность как способность участвовать в сделочном обороте и актуальную волевую способность субъекта к совершению конкретной сделки.*

Проведен также тематический обзор современной российской цивилистической литературы 2024–2025 гг., посвященной сделкоспособности, воле и волеизъявлению, доказыванию порока воли, недействительности сделок и роли нотариальной формы. Этот обзор позволяет показать, что комментируемое судебное дело не является изолированным казусом, а отражает более широкую для цивилистики проблему: как совместить устойчивость гражданского оборота с защитой лица, чья актуальная волевая способность была нарушена в момент совершения сделки.

Ключевые слова: *сделка, сделкоспособность, дееспособность, порок воли, недействительность сделки, статья 177 ГК РФ, нотариальное удостоверение, судебно-психиатрическая экспертиза, волеобразование, волеизъявление.*

KIRSANOVA Evgenia Valerievna,
Candidate of Law, Mediator

DEALABILITY AND VICE OF WILL IN A NOTARIZED TRANSACTION: SCIENTIFIC COMMENTARY ON THE CASE NO. A40-304649/18

Annotation. *The article analyzes the problem of the ratio of civil capacity, transactability and vice of will when challenging a notarized transaction under paragraph 1 of Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation. The material of the study is the decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of October 16, 2019 in case No. A40-304649/18, as well as the subsequent legal position of the Supreme Court of the Russian Federation in the same case. It is justified that a notarial verification of legal capacity cannot replace the judicial establishment of the actual ability of a person to understand the meaning of his actions and lead them at the time of the transaction. It is proposed to distinguish between formal civil capacity, transaction capacity as the ability to participate in the transaction turnover and the actual volitional ability of the subject to perform a specific transaction.*

A thematic review of modern Russian civil literature 2024-2025 was also conducted, dedicated to dealability, will and expression of will, proving the vice of will, invalidity of transactions and the role of the notarial form. This review allows us to show that the commented court case is not an isolated incident, but reflects a broader problem for civil servants: how to combine the stability of civil turnover with the protection of a person whose current volitional ability was violated at the time of the transaction.

Key words: *contract, capacity to enter into contracts, legal capacity, defect of will, invalidity of a contract, Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation, notarial certification, forensic psychiatric examination, formation of will, expression of will*

Введение

Проблема недействительности сделок, совершенных лицом с нарушенной способностью к осознанному волеобразованию, занимает особое место в современной российской цивилистике. Ее сложность обусловлена тем, что суду необходимо соединить юридическую квалификацию сделки с медицинской, психологической и фактической оценкой состояния субъекта в момент совершения юридически значимого действия. В этой группе споров особенно заметна граница между формальной дееспособностью гражданина и его реальной способностью понимать смысл совершаемого акта распоряжения правом.

Пункт 1 статьи 177 ГК РФ закрепляет особое основание оспоримости: сделка может быть совершена лицом, которое формально является дееспособным, но в момент сделки находится в состоянии, исключающем способность понимать значение своих действий или руководить ими [1]. Следовательно, законодатель изначально разводит две категории: наличие гражданской дееспособности и наличие фактической способности к осознанному совершению конкретной сделки.

Именно это различие оказалось центральным в деле № А40-304649/18. Истец оспаривала договор купли-продажи 100 % доли в уставном капитале ООО «Оптика “Окулис Константини”», заключенный с ответчиком — ее внуком. В обоснование требований она ссылалась на отсутствие действительного намерения отчуждать имущество и на психическое состояние, препятствовавшее пониманию содержания и последствий сделки. В материалах дела имелось заключение амбулаторной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, проведенной в рамках уголовного дела [4].

Апелляционный суд отказал в иске, придав решающее значение нотариальному удостоверению договора и проверке дееспособности нотариусом [4]. Однако позднее Верховный Суд РФ указал на ошибочность такого подхода: наличие полной дееспособности не исключает порока воли при совершении сделки, а обжалование действий нотариуса не является необходимым условием для признания сделки недействительной по пункту 1 статьи 177 ГК РФ [5].

Цель настоящей статьи — на основе анализа указанного судебного дела и современной цивилистической литературы сформулировать научно значимые тезисы о сделкоспособности и пороке воли, а также предложить модель доказывания по делам о недействительности сделок, совершенных лицом, не способным понимать значение своих действий или руководить ими.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системно-правовой, доктринальный, сравнительно-доказательственный методы. Формально-юридический метод использован при анализе статей 166, 177 ГК РФ, статей 69 и 71 АПК РФ, а также положений Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Системно-правовой метод позволил рассмотреть нотариальное удостоверение не изолированно, а как элемент общей системы доказательственных гарантий действительности сделки. Доктринальный метод применен при анализе современной российской литературы о сделках, недействительности сделок, сделкоспособности и пороках воли.

Материалами исследования являются: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 октября 2019 г. по делу № А40-304649/18 [4]; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-5407 [5]; определение Верховного Суда РФ от 25 марта 2022 г. № 305-ЭС20-5407 [6]; современные комментарии к положениям ГК РФ о сделке и недействительности сделок [7; 8], а также научные публикации последних лет, посвященные сделкоспособности, пороку воли, добросовестности контрагента и проблемам доказывания [9—14].

Исследование построено в логике IMRAD: во введении обозначается проблема и цель; в разделе материалов и методов определяется исследовательская база; в разделе результатов анализируются ключевые правовые категории и судебное решение; в обсуждении формулируется научная интерпретация; в заключении представлены выводы и тезисы для дальнейшей разработки темы.

Дополнительно использован метод тематического литературного обзора: источники сгруппированы по четырем проблемным блокам — сделкоспособность и дееспособность; воля и волеизъявление; доказывание порока воли; недействительность сделок и стабильность гражданского оборота. Такой способ анализа позволяет не просто перечислить публикации, а встроить их основные тезисы в правовую оценку дела № А40-304649/18.

Результаты

1. Понятие сделкоспособности

Российское гражданское законодательство не содержит самостоятельного легального определения сделкоспособности. В то же время в цивилистической доктрине данный термин традиционно используется для обозначения способности лица своими действиями совершать сделки и через них приобретать, изменять или прекращать гражданские права и обязанности. В узком смысле сделкоспособность является элементом гражданской дееспособности. В более точном, функциональном смысле она выражает способность субъекта к осознанному участию в конкретном сделочном обороте.

Современная литература предлагает рассматривать сделкоспособность не только через возраст и формальный статус лица, но и через более сложную совокупность социальных, юридических, поведенческих и личностных критериев. Так, С. В. Воронина, анализируя сделкоспособность несовершеннолетних, выделяет возраст, здоровье, поведенческие проявления и особое правовое состояние как критерии, влияющие на содержание способности лица к совершению сделок [11]. Хотя предметом исследования указанного автора являются несовершеннолетние, предложенная логика имеет более широкое значение: сделкоспособность не исчерпывается регистрационной или паспортной проверкой статуса субъекта.

Для споров по статье 177 ГК РФ это особенно важно. Сделкоспособность здесь проявляется не как абстрактная возможность участвовать в обороте, а как способность в конкретный момент понимать: что именно отчуждается; каковы правовые последствия отчуждения; как сделка влияет на имущественное положение лица; соответствует ли сделка действительному интересу лица; сохраняет ли субъект способность к волевому самоконтролю.

В связи с этим представляется целесообразным различать три уровня анализа. Первый уровень — формальная дееспособность: наличие у лица общего гражданско-правового статуса, позволяющего совершать сделки. Второй уровень — сделкоспособность: способность быть субъектом сделочных действий соответствующего типа. Третий уровень — актуальная волевая способность: фактическая способность лица в момент конкретной сделки понимать значение своих действий и руководить ими. Именно третий уровень является предметом доказывания по пункту 1 статьи 177 ГК РФ.

2. Порок воли как основание недействительности сделки

Порок воли в гражданском праве означает дефект внутреннего волеобразования или внешнего волеизъявления, вследствие которого сделка не может рассматриваться как свободное и осознанное распоряжение субъекта своим правом. В общей теории сделки воля и волеизъявление образуют центральную конструкцию: сделка предполагает не только внешнее выражение намерения, но и его внутреннюю осознанность, направленность на правовой результат и способность субъекта соотносить свое действие с последствиями.

Особенность статьи 177 ГК РФ состоит в том, что порок воли может быть вызван внутренним состоянием самого лица. В отличие от статей 178 и 179 ГК РФ, где существенное значение имеют заблуждение, обман, насилие, угроза или неблагоприятные внешние обстоятельства, статья 177 ГК РФ направлена на защиту лица, чья воля дефектна вследствие состояния, нарушающего осознанность и саморегуляцию. Поэтому сделка, совершенная в таком состоянии, не может рассматриваться как совершенная по действительной воле лица, даже если внешне она оформлена надлежащим образом.

В современной литературе по недействительности сделок подчеркивается, что оспоримость выступает механизмом балансирования между автономией воли, стабильностью оборота и защитой нарушенного частного интереса [7]. Применительно к статье 177 ГК РФ этот баланс особенно сложен: с одной стороны, оборот заинтересован в устойчивости нотариально удостоверенных сделок; с другой — правопорядок не может признавать полноценным распоряжением имуществом юридический акт лица, фактически не способного осознать его смысл.

Следовательно, порок воли по статье 177 ГК РФ должен доказываться не только через формальные документы о дееспособности, но и через комплекс доказательств: медицинские документы, экспертные заключения, показания свидетелей, поведение лица до и после сделки, экономическую разумность или неразумность сделки, характер отношений сторон, возможную зависимость одной стороны от другой и осведомленность контрагента о состоянии лица.

3. Фабула дела № А40-304649/18

В рассматриваемом деле Власова Н. К. являлась единственным участником общества с ограниченной ответственностью «Оптика “Окулис Константини”». 2 февраля 2018 г. между ней и Власовым Е. К. был заключен договор купли-продажи 100 % доли в уставном капитале общества. Договор был нотариально удостоверен исполняющим обязанности нотариуса города Москвы Савиной О. Н. — Супрун В. В. стоимость доли была определена сторонами в размере 600 000 руб. [4].

Истец утверждала, что не имела намерения отчуждать имущество, а ее психическое состояние препятствовало всестороннему и целостному пониманию содержания и юридических последствий сделки. В подтверждение этих доводов она ссылалась на амбулаторную первичную комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу, проведенную в рамках уголовного дела, согласно выводам которой истец в момент совершения сделки находилась в состоянии, не позволявшем понимать значение своих действий и руководить ими [4].

Суд первой инстанции частично удовлетворил иск и признал договор недействительным. Однако Девятый арбитражный апелляционный суд, рассмотрев дело по правилам суда первой инстанции, отменил решение и отказал в удовлетворении требований. Логика апелляционного суда строилась вокруг нотариального удостоверения сделки: нотариус проверил личность сторон, запросил сведения об отсутствии судебного акта о признании истца недееспособной или ограниченно дееспособной, разъяснил смысл сделки и зафиксировал в договоре заверения сторон об отсутствии заболеваний, препятствующих пониманию сути договора [4].

4. Правовая позиция апелляционного суда и ее критическая оценка

Ключевой вывод апелляционного суда состоял в том, что факт удостоверения сделки нотариусом свидетельствует о способности гражданина в момент удостоверения понимать характер своих действий и руководить ими в объеме, необходимом для совершения юридически значимого действия [4]. На этом основании суд отклонил ссылку истца на экспертное заключение и указал, что действия нотариуса не были оспорены в установленном порядке.

Такая аргументация представляется методологически уязвимой по нескольким причинам. Во-первых, суд смешал формальную дееспособность с фактической способностью к осознанному волеобразованию. Между тем пункт 1 статьи 177 ГК РФ применяется именно к гражданину, который является дееспособным. Следовательно, отсутствие судебного акта о недееспособности не опровергает, а наоборот, предполагает возможность анализа по статье 177 ГК РФ, если заявлено, что лицо в конкретный момент не понимало значение своих действий или не могло руководить ими [1].

Во-вторых, апелляционный суд придал нотариальному удостоверению чрезмерное доказательственное значение. Действительно, нотариус обязан проверить дееспособность граждан, установить личность, разъяснить смысл сделки и проверить соответствие содержания сделки действительным намерениям сторон [3]. Однако нотариус не является судебно-психиатрическим экспертом и не обладает специальными знаниями для ретроспективного или клинического вывода о психическом состоянии лица. Нотариальная процедура создает повышенную гарантию действительности сделки, но не устраняет возможность порока воли.

В-третьих, суд фактически отказался от полноценной сравнительной оценки доказательств. Никакое доказательство не имеет заранее установленной силы (ст. 71 АПК РФ), а суд обязан оценивать относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства и их совокупность. Если в деле имеется экспертное заключение о неспособности лица понимать значение своих действий в юридически значимый момент, суд не вправе отклонить его, основываясь на нотариальной форме сделки.

В-четвертых, апелляционный суд не разграничил удостоверенный нотариусом факт внешнего волеизъявления и действительность внутренней воли. Нотариус может удостоверить, что лицо явилось, предъявило паспорт, подписало договор, получило разъяснения и формально не признано недееспособным. Но вопрос о том, позволяло ли психическое состояние лица в конкретный момент понимать значение сделки, требует специальных знаний и судебной оценки всех доказательств.

5. Корректирующая позиция Верховного Суда Российской Федерации

Верховный Суд РФ в определении от 10 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-5407 отменил постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 октября 2019 г. и постановление суда округа, направив дело на новое рассмотрение. Судебная коллегия указала, что дееспособность лица не имеет решающего значения для вывода об отсутствии порока воли: тот факт, что лицо обладает полной дееспособностью, не исключает наличия порока его воли при совершении сделки [5].

Верховный Суд РФ также подчеркнул, что юридически значимым обстоятельством является психическое состояние лица в момент заключения сделки. Установление такого состояния требует специальных знаний, которыми нотариус не обладает [5]. Данный вывод имеет принципиальное значение для всей группы дел по статье 177 ГК РФ: нотариальное удостоверение не создает неопровержимой презумпции сохранности воли.

Отдельно Верховный Суд РФ указал, что обжалование нотариального действия не является необходимым условием для признания сделки недействительной по статье 177 ГК РФ.

Это позволяет разграничить два самостоятельных предмета: законность нотариального действия и действительность самой сделки. Даже если нотариус действовал в рамках своих полномочий и не допустил формального нарушения процедуры, сделка может быть признана недействительной, если будет доказано состояние лица, исключавшее осознанное волеобразование.

Дальнейшая процессуальная траектория дела подтверждает этот вывод. При новом рассмотрении была назначена судебная психолого-психиатрическая экспертиза; по итогам последующего рассмотрения в иске вновь было отказано, а Верховный Суд РФ в 2022 г. отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании [6]. Однако этот финальный результат основан уже не на абсолютном доказательственном значении нотариального удостоверения, а на оценке специального экспертного доказательства и совокупности обстоятельств дела.

6. Обзор современной цивилистической литературы по сделкоспособности, воле и недействительности сделок

Анализ источников показывает, что современная российская цивилистика движется от чисто формального понимания дееспособности к более сложной модели оценки способности лица совершать юридически значимые действия. В этой модели важны не только возраст и отсутствие судебного акта о недееспособности, но и фактическая способность субъекта к осознанному волеобразованию в юридически значимый момент.

Воронина С. В. рассматривает сделкоспособность несовершеннолетних как многофакторную категорию, зависящую не только от возраста, но и от социальных, поведенческих, медицинских и правовых критериев [11]. Несмотря на то что статья посвящена несовершеннолетним, ее методологический тезис применим шире: способность к сделке не исчерпывается формальным статусом субъекта. Для комментируемого дела это важно потому, что продавец доли (Власова Н. К.) обладал полной гражданской дееспособностью, однако спор касался не общего статуса, а способности в конкретный момент понять значение отчуждения 100 % доли в обществе.

Калинина И. А. предлагает междисциплинарное понимание воли физического лица и выделяет несколько ее уровней: автономию личности, психосоматические и социально-экономические характеристики, содержательный уровень формирования воли в юридически значимый период и внешний уровень волеизъявления [16]. Этот подход усиливает предложенную в настоящей статье трехуровневую модель: формальная дееспособность — сделкоспособность — актуальная волевая способность. Особенно значим тезис о юридически значимом периоде формирования воли: именно этот период, а не абстрактное состояние дееспособности, должен становиться предметом судебного доказывания по статье 177 ГК РФ.

Махмутов Р. М. специально анализирует недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным осознавать свои действия или руководить ими [12]. В центре его исследования находится проблема доказывания внутреннего психического состояния лица, которое может не совпадать с формальной гражданской дееспособностью. Для комментируемого дела этот тезис принципиален: апелляционный суд фактически свел спор к нотариальной проверке дееспособности, тогда как по статье 177 ГК РФ предметом анализа является способность понимать значение действий и руководить ими именно в момент сделки.

Белова О. А. на материале договоров ипотеки и постковидного синдрома показывает, что медицинские состояния, не влекущие общего лишения дееспособности, могут влиять на ментальное состояние и способность лица осознавать последствия сделки [13]. Ценность этой публикации для настоящего комментария состоит в акценте на ситуационном характере порока воли: суд должен оценивать не только диагноз как таковой, но и его влияние на конкретное волеобразование при заключении конкретной сделки.

Шичко А. Р. и соавторы рассматривают формирование воли и волеизъявления при заключении сделок, а также трудности доказывания недействительности сделок с пороками воли [14]. Из данной работы для настоящей статьи важны два вывода: во-первых, дефект воли может быть скрыт за внешне корректным волеизъявлением; во-вторых, доказывание такого дефекта требует комплексной оценки, включая медицинские, психологические и фактические данные. Эти положения прямо соотносятся с ошибкой апелляционного суда, который придал нотариальному удостоверению значение почти достаточного доказательства действительности внутренней воли.

Темерев С. О. анализирует пороки воли в историко-правовом и практическом аспектах, показывая, что современное регулирование различает разные механизмы дефектности сделки: заблуждение, обман, насилие, угрозу, кабальность и неспособность лица осознавать значение своих действий [15]. Для настоящей статьи это позволяет точнее отграничить статью 177 ГК РФ от статей 178–179 ГК РФ: при статье 177 ГК РФ

центральным является не неправомерное воздействие контрагента, а внутреннее состояние лица, нарушающее его способность к осознанному волевому решению.

Шапошников Е. А. исследует использование личных доказательств при доказывании воли сторон договора и отмечает отсутствие единого подхода судебной практики к отдельным видам доказательств, включая свидетельские показания, объяснения сторон и заключения экспертов [17]. Этот тезис особенно значим для дел по статье 177 ГК РФ: суд не вправе заранее исключать доказательственное значение медицинских документов, свидетельских показаний или ретроспективной экспертизы только потому, что сделка была удостоверена нотариально.

Пухкоева А. А. также акцентирует сложность предмета доказывания по делам о пороке воли и необходимость судебного анализа обстоятельств каждого конкретного дела [19]. Данная позиция подтверждает, что универсальная формула «нотариус проверил дееспособность — следовательно, порока воли нет» методологически неприемлема. Вместо нее требуется индивидуализированный стандарт оценки: состояние лица, содержание сделки, ее экономическая разумность, отношения сторон, поведение до и после подписания договора, наличие медицинских и экспертных данных.

Левушкин А. Н., анализируя природу ничтожных и оспоримых сделок, связывает институт недействительности с необходимостью поддерживать доверие к гражданскому обороту и одновременно устранять правовые дефекты сделок [18]. Этот тезис позволяет увидеть вторую сторону проблемы: чрезмерно легкое признание сделок недействительными способно подрывать устойчивость оборота, однако чрезмерное доверие формальной нотариальной процедуре может приводить к отказу в защите лица, чья воля была дефектна. Поэтому оптимальный стандарт должен быть не формальным, а доказательственным.

Обобщение рассмотренных источников показывает, что основной вывод настоящего комментария поддержан научной литературой: в спорах о недействительности сделки по статье 177 ГК РФ суд должен исследовать не только юридический статус лица и формальное соблюдение нотариальной процедуры, но и фактическую способность субъекта к осознанному волеобразованию в момент сделки. Нотариальная форма имеет высокую доказательственную ценность, но не устраняет необходимости в судебном исследовании медицинских, психологических, поведенческих и экономических обстоятельств.

Обсуждение

Рассматриваемое дело демонстрирует типичную для судебной практики проблему: суды иногда стремятся использовать нотариальную форму как гарантию действительности сделки, тогда как в спорах по статье 177 ГК РФ такая гарантия имеет ограниченное значение. Нотариальная форма выполняет важные функции — идентификационную, разъяснительную, предупредительную, доказательственную, охранительную. Для сделок с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью нотариальное удостоверение имеет специальное значение, поскольку закон связывает с ним действительность и безопасность оборота долей.

С учетом проанализированной литературы эту проблему можно сформулировать шире: нотариальная форма защищает оборот от очевидных дефектов формы, идентификации и внешнего волеизъявления, но она не является инструментом полной реконструкции внутренней воли. Воля как юридико-психологическое явление имеет не только внешний, но и содержательный, психосоматический и ситуационный уровни [16]; поэтому суд, рассматривая спор по статье 177 ГК РФ, должен оценивать не только то, что лицо подписало договор, но и то, могло ли оно сформировать юридически релевантное волевое решение.

Однако нотариальная форма не устраняет возможность порока воли. Иначе статья 177 ГК РФ была бы неприменима к нотариально удостоверенным сделкам, что противоречило бы ее назначению. Верховный Суд РФ фактически закрепил методологический ориентир: нотариус проверяет дееспособность и внешнее волеизъявление, но не заменяет собой судебно-психиатрическое исследование фактической способности лица понимать значение действий и руководить ими [5].

С научной точки зрения важно развести две презумпции. Первая — презумпция формальной дееспособности: лицо считается способным самостоятельно осуществлять гражданские права и обязанности, если не признано недееспособным или ограниченно дееспособным. Вторая — презумпция действительности сделки: совершенная сделка считается действительной, пока не доказано обратное. Но ни одна из этих презумпций не является неопровержимой. При наличии медицинских документов, экспертных заключений, сведений о необычном поведении лица, резком изменении его имущественного положения, семейной зависимости или возможной осведомленности контрагента суд обязан исследовать вопрос о реальной волевой способности субъекта.

В доктрине недействительности сделок все более заметно стремление рассматривать пороки

сделки не только через формальные составы, но и через баланс защищаемых интересов. Комментарий к статьям 166—181 ГК РФ под редакцией А. Г. Карапетова исходит из необходимости анализа практических и коллизионных вопросов применения норм о недействительности сделок, включая статьи о пороках воли [7]. В статье А. Г. Карапетова о недостатках общего регулирования сделок в ГК РФ прямо выделяется проблема оспаривания сделки, совершенной лицом, не способным понимать значение своих действий или руководить ими, и подчеркивается значение корректной законодательной и судебной настройки данного основания [9].

Проблематика добросовестности контрагента также заслуживает внимания. В сделках по статье 177 ГК РФ вопрос не сводится к тому, знал ли контрагент о состоянии лица, поскольку сама норма защищает лицо с дефектом воли. Однако осведомленность контрагента, характер родственных отношений, зависимость сторон, цена сделки и поведение покупателя могут иметь значение для оценки всей совокупности обстоятельств, в том числе при определении последствий недействительности и при анализе добросовестности в обороте [10].

Для судебной практики можно предложить следующую модель доказывания по делам о статье 177 ГК РФ. На первом этапе суд устанавливает формальную дееспособность лица и факт совершения сделки. На втором этапе исследуется фактическое состояние лица в момент сделки: медицинская документация, экспертные заключения, сведения о лечении, диагнозах, когнитивных нарушениях, поведении до и после сделки. На третьем этапе анализируется сама сделка: предмет, цена, экономическая разумность, соотношение с интересами лица, характер распоряжения имуществом. На четвертом этапе оценивается контекст отношений сторон: родство, доверительная связь, зависимость, возможное влияние или осведомленность контрагента. На пятом этапе суд формулирует вывод не о формальной дееспособности, а об актуальной волевой способности лица в юридически значимый момент.

Таким образом, научный комментарий к делу № А40-304649/18 позволяет сформулировать общий методологический тезис: по делам о статье 177 ГК РФ суд должен исследовать не только форму сделки и нотариальную процедуру, но и внутреннюю способность лица к юридически релевантному волеобразованию.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Сделкоспособность в делах о пороке воли должна пониматься шире, чем формальная гражданская дееспособность. Она включает способность лица осознанно совершить конкретную сделку в конкретной жизненной, психической и имущественной ситуации.
2. Порок воли по пункту 1 статьи 177 ГК РФ является самостоятельным основанием недействительности сделки, применимым именно к дееспособному гражданину. Поэтому ссылка на отсутствие судебного решения о недееспособности не опровергает довод о возможном пороке воли.
3. Нотариальное удостоверение сделки усиливает доказательственную устойчивость сделки, но не создает неопровержимой презумпции отсутствия порока воли.
4. Судебно-психиатрическая или комплексная психолого-психиатрическая экспертиза по делам о статье 177 ГК РФ имеет ключевое значение, но должна оцениваться в совокупности с другими доказательствами.
5. Ошибка апелляционного постановления 2019 г. заключалась в чрезмерном доверии к нотариальной процедуре и недостаточной оценке доказательств, указывающих на возможный порок воли.
6. Позиция Верховного Суда РФ уточнила стандарт доказывания: суд обязан устанавливать психическое состояние лица в момент сделки; обжалование действий нотариуса не требуется; полная дееспособность не исключает порока воли.
7. Научная новизна предлагаемого подхода состоит в трехуровневой модели анализа: формальная дееспособность — сделкоспособность — актуальная волевая способность в момент сделки.
8. Обзор современной литературы показывает, что научная новизна настоящего комментария может быть усилена за счет перехода от бинарной схемы «дееспособен / недееспособен» к функциональной модели «способен / не способен к осознанному совершению данной сделки в данных обстоятельствах».
9. Для правоприменения перспективен комплексный стандарт доказывания порока воли, включающий нотариальные сведения, медицинские документы, экспертное заключение, личные доказательства, экономическую логику сделки и анализ отношений сторон.

Заключение

Дело № А40-304649/18 является показательным примером того, как формальная устой-

чивость нотариально удостоверенной сделки может вступать в конфликт с необходимостью защиты действительной воли лица. Апелляционный суд в постановлении 2019 г. избрал формалистический подход, фактически приравняв нотариальную проверку дееспособности к доказанности отсутствия порока воли. Верховный Суд РФ скорректировал этот подход, указав, что статья 177 ГК РФ требует установления психического состояния лица именно в момент заключения сделки и что нотариус не обладает специальными знаниями для окончательного решения такого вопроса.

Для российской цивилистики данное дело имеет значение не только как частный судебный казус, но и как материал для уточнения понятийного аппарата. Разграничение дееспособности, сделкоспособности и актуальной волевой способности позволяет точнее квалифицировать споры о недействительности сделок, избежав подмены содержательного анализа формальной проверкой. В перспективе такая модель может быть использована как в судебной практике, так и в научных исследованиях о природе сделки, автономии воли и пределах охраны гражданского оборота.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ : ред. действующая. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.05.2026).

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ : ред. действующая. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.05.2026).

[3] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1 : ред. действующая. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.05.2026).

[4] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.10.2019 по делу № А40-304649/18 // Картотека арбитражных дел. — Текст : электронный (дата обращения 10.05.2026).

[5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2020 № 305-ЭС20-5407 по делу № А40-304649/2018. — URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=370958&moduleId=7 (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[6] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.03.2022 № 305-ЭС20-5407 по делу № А40-304649/2018. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25032022-n-305-es20-5407-po-delu-n-a40-3046492018/ (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[7] Недействительность сделки : комментарий к статьям 166—181 Гражданского кодекса Российской Федерации : электронное издание. Ред. 2.0 / Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва : М-Логос, 2025. — 1310 с. — (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). — ISBN 978-5-6049872-9-2. — URL: https://m-lawbooks.ru/product/nedejstvitelnost-sdelki-kommentarij-k-statyam-166-181-gk-rf-otv-red-a-g-karapetov/ (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[8] Общие положения о сделке : комментарий к статьям 153—165.1, 181.1—181.5 и 190—194 Гражданского кодекса Российской Федерации : электронное издание. Ред. 2.0 / А. В. Асосков, Р. С. Бевзенко, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва : М-Логос, 2025. — 844 с. — (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). — ISBN 978-5-6049872-7-8. — URL: https://m-lawbooks.ru/product/obshhie-polozheniya-o-sdelke-kommentarij-k-statyam-153-165-1-181-1-181-5-i-190-194-gk-rf-otv-red-a-g-karapetov/ (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[9] Карапетов А. Г. Топ-10 недостатков общего регулирования сделок в ГК // Цивилистика. — 2024. — № 6. — С. 123—181. — URL: https://privlaw-journal.com/top-10-nedostatkov-obshhego-regulirovaniya-sdelok-v-gk/ (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[10] Карапетов А. Г. Влияние добросовестности контрагента на недействительность договора. Часть первая // Закон. — 2025. — № 10. — URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/11332 (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[11] Воронина С. В. Социальные и юридические критерии сделкоспособности несовершеннолетних и их сущностные характеристики // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2024. — № 53. — С. 122—138. — DOI: 10.17223/22253513/53/9. — Текст : непосредственный.

[12] Махмутов Р. М. Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным осознавать свои действия или руководить ими // Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 6 (82). — С. 147—155. — Текст : электронный.

[13] Белова О. А. Постковидный синдром как порок сделки на примере договора об ипотеке // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2024. — Т. 23, № 3. — Текст : электронный.

[14] Шичко А. Р. Формирование воли и волеизъявления при заключении сделок, а также проблемы доказывания недействительности сделок с пороками воли // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-voli-i-voleizyavleniya-pri-zaklyuchenii-sdelok-a-takzhe-problemy-dokazyvaniya-nedeystvitelnosti-sdelok-s-porokami-voli (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[15] Темерев С. О. Воля и пороки воли в сделке: историко-правовой и практический анализ // Вестник науки. — 2025. — № 7 (88), т. 2. — С. 157—165. — Текст : электронный.

[16] Калинина И. А. Воля физического лица в гражданском праве и ее уровни в контексте междисциплинарного подхода (часть 1) // Право: история и современность. — 2025. — Т. 9, № 1. — С. 128—136. — DOI: 10.17277/pravo.2025.01.pp.128-136.

[17] Шапошников Е. А. Использование личных доказательств при доказывании воли сторон договора // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2025. — № 2 (61). — С. 314—323. — DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/2/314-323.

[18] Левушкин А. Н. Ничтожные и оспоримые сделки: природа, проблемы правоприменения и совершенствование правового регулирования // Гражданское право. — 2025. — № 2. — С. 2—5. — DOI: 10.18572/2070-2140-2025-2-2-5.

[19] Пухкоева А. А. Некоторые проблемы доказывания порока воли при заключении сделок // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 31. — С. 185—189.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law No. 30.11.1994 of 51-FZ: as amended. - Access from ConsultantPlus legal system (date of request 10.05.2026).

[2] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 24.07.2002 dated 95-FZ: current edition. - Access from ConsultantPlus legal system (date of request 10.05.2026).

[3] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries: approved by The Supreme Council of the Russian Federation 11.02.1993 No. 4462-1: ed. Acting. - Access from ConsultantPlus legal system (date of request 10.05.2026).

[4] Ruling of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 16.10.2019 in case No. A40-304649/18// File of arbitration cases. - Text: electronic (date of contact 10.05.2026).

[5] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.09.2020 No. 305-ES20-5407 in case No. A40-304649/2018. - URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=370958&moduleId=7 (access date: 08.05.2026). - Text: electronic.

[6] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.03.2022 No. 305-EC20-5407 in case No. A40-304649/2018. - URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25032022-n-305-es20-5407-po-delu-n-a40-3046492018/ (access date: 08.05.2026). - Text: electronic.

[7] Invalidity of transaction: commentary to articles 166-181 of the Civil Code of the Russian Federation: electronic edition. Ed. 2.0/R. S. Bevzenko, S. L. Budylin, A. A. Gromov [et al.]; resp. ed. A. G. Karapetov. - Moscow: M-Logos, 2025. - 1310 p. - (Comments on civil law #Gloss). — ISBN 978-5-6049872-9-2. — URL: https://m-lawbooks.ru/product/nedejstvitelnost-sdelki-kommentarij-k-statyam-166-181-gk-rf-otv-red-a-g-karapetov/ (дата обращения: 08.05.2026). - Text: electronic.

[8] General Provisions on the Transaction: Commentary to Articles 153-165.1, 181.1-181.5 and 190-194 of the Civil Code of the Russian Federation: electronic edition. Ed. 2.0/A. V. Asoskov, R. S. Bevzenko, A. A. Gromov [et al.]; resp. ed. A. G. Karapetov. - Moscow: M-Logos, 2025. - 844 p. - (Comments on civil law #Gloss). — ISBN 978-5-6049872-7-8. — URL: https://m-lawbooks.ru/product/obshhie-polozheniya-o-sdelke-kommentarij-k-statyam-153-165-1-181-1-181-5-i-190-194-gk-rf-otv-red-a-g-karapetov/ (дата обращения: 08.05.2026). - Text: electronic.

[9] Karapetov A. G. Top 10 shortcomings of the general regulation of transactions in the Civil Code// Civil. — 2024. — № 6. - S. 123 - 181. — URL: https://privlaw-journal.com/top-10-nedostatkov-obshhego-regulirovaniya-sdelok-v-gk/ (дата обращения: 08.05.2026). - Text: electronic.

[10] A. G. Karapetov. Effect of the counterparty's good faith on the invalidity of the contract. Part one//Law. — 2025. — № 10. - URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/11332 (access date: 08.05.2026). - Text: electronic.

[11] Voronina S.V. Social and legal criteria for the dealability of minors and their essential characteristics//Bulletin of Tomsk State University. Right. — 2024. — № 53. - S. 122-138. — DOI: 10.17223/22253513/53/9. - Text: direct.

[12] Makhmutov R.M. Invalidity of a transaction made by a citizen who is not able to realize his actions or direct them//Student science issues. — 2023. — № 6 (82). - S. 147-155. - Text: electronic.

[13] Belova O. A. Postcoid syndrome as a vice of a transaction using the example of a mortgage agreement//Legal Concept = Legal paradigm. — 2024. - T. 23, NO. 3. - Text: electronic.

[14] A.R. Shichko. Formation of will and expression of will when concluding transactions, as well as the problems of proving the invalidity of transactions with vices of will//CyberLeninka Scientific Electronic Library. — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-voli-i-voleizyavleniya-pri-zaklyuchenii-sdelok-a-takzhe-problemy-dokazyvaniya-nedeystvitelnosti-sdelok-s-porokami-voli (дата обращения: 08.05.2026). - Text: electronic.

[15] Temerev S.O. Will and the vices of will in the transaction: historical, legal and practical analysis//Bulletin of Science. — 2025. - No. 7 (88), vol. 2. - S. 157-165. - Text: electronic.

[16] Kalinina I. A. The will of an individual in civil law and its levels in the context of an interdisciplinary approach (part 1)//Law: history and modernity. — 2025. - T. 9, NO. 1. - S. 128-136. — DOI: 10.17277/pravo.2025.01.pp.128-136.

[17] Shaposhnikov E. A. Use of personal evidence in proving the will of the parties to the contract//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. — 2025. — № 2 (61). - S. 314-323. — DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/2/314-323.

[18] Levushkin A. N. Void and disputed transactions: nature, problems of law enforcement and improvement of legal regulation//Civil law. — 2025. — № 2. - S. 2 - 5. — DOI: 10.18572/2070-2140-2025-2-2-5.

[19] Pukhkoeva A. A. Some problems of proving the vice of will when concluding transactions// Issues of Russian justice. — 2024. — № 31. - S. 185-189.

